

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

Д. М. Володихин

Князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой как представитель высшей русской аристократии XVII века

Аннотация: статья представляет собой биографический очерк и посвящена описанию и анализу важнейших событий жизни князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого – крупного полководца эпохи Смуты, претендента на русский престол в 1613 г. Автор отвечает на вопросы: что помешало Д. Т. Трубецкому стать государем и основать новую династию; почему в исторической памяти русского народа эта фигура не получила статуса великой личности. Очерк выполнен в рамках методологии научного направления «персональная история».

Ключевые слова: история, аристократия, монархия, дворянство, смута, полководец, 1612 г., самозванчество, нравственность, персонализм.

Земский собор 1613 г., избравший на царство Михаила Федоровича Романова, перевернул самую славную страницу в судьбе другой персоны, возвысившейся в Смутное время – князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого. Уход его в тень, перемещение из главных действующих лиц на роль второго плана имело разный смысл для его современников и для будущих поколений.

Князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой страстно желал примерить шапку Мономаха, но царем не стал. Он уступил – таков главный итог его биографии для современников. Меж тем, князь был незаурядным человеком: на протяжении двух лет он являлся одним из вождей земского ополчения, его имя знала вся Россия. Но историческая память русского народа вычеркнула его из списка великих личностей. Кто знает ныне о Трубецком? Историки Смуты, краеведы города Трубчевска в Брянской области, да незначительное число дотошных любителей русской старины. Чего же не хватило Дмитрию Тимофеевичу для избрания на царство?

Желания и амбиций у него было с избытком. Одна из повестей о Смутном времени рассказывает: «Князь же Дмитрий Тимофеевич Трубецкой учреждал столы честныя и пиры многая на казаков и в полтора месяца всех казаков, сорок тысяч, зазывая к себе на двор по вся дни, чествуя, кормя и поя честно и моля их, чтоб быти ему на Росии царем и от них бы казаков похвален же был. Каза-

ки же честь от него приимающе, ядяще и пиюще и хваляще его лестию, а прочь от него отходяще в свои полки и браняще его и смеющеся его безумию такову. Князь же Дмитрий Трубецкой не ведаше лести их казачьей». А когда монарший венец окончательно ушел от Дмитрия Тимофеевича, он тяжело переживал свое поражение: «Лицо у него ту с кручины почерне, и [он] паде в недуг, и лежа три месяца, не выходя из двора своего»¹. Он даже не поставил свою подпись под грамотами, извещавшими города и земли об избрании Михаила Федоровича Романова на царство.

Хватало Трубецкому и знатности. Он приходился отдаленным потомком великому князю литовскому Ольгерду (по линии, восходящей к старшему сыну Ольгерда – Дмитрию). А Дмитрий Ольгердович княжил в богатом Брянске, управляя обширной областью. В Московском государстве традиционно очень высоко ставили князей, связанных с литовским монаршим родом: Голицыных, Мстиславских, Бельских, Трубецких и т. п. Со 2-й половины XVI в. Трубецкие занимали первые строки в боярских списках, возглавляли армии, воеводствовали и наместничали в крупнейших городах. Очень немногие семейства могли тягаться с ними в родовитости: князья Мстиславские, Шуйские, Голицыны, Воротыньские, Одоевские, Пронские, Глинские да три-четыре

¹ Станиславский А. Л., Морозов Б. Н. Повесть о земском соборе 1613 г. // Вопросы истории. 1985. № 5.

рода старомосковских бояр — самые сливки русской аристократии того времени. Отец Д. Т. Трубецкого имел боярский чин.

Сам Дмитрий Тимофеевич появился на царской службе в 1604 г. — в чине стольника ходил против Лжедмитрия I. Тот же чин сохранил он и при Василии Шуйском, т. е. долгое время был ровней Дмитрию Михайловичу Пожарскому по служебному положению². Но Дмитрий Тимофеевич был моложе Пожарского и, хотя на службе оказался позже него, стольником сделан раньше (из-за большей родовитости). Быть может, вообще начал карьеру с этого чина. При царе Василии Шуйском (январь 1608 г.) он еще бывал в рынках³, игравших роль телохранителей и оруженосцев при особе царя и назначавшихся обыкновенно из молодых аристократов (а значит, родился Дмитрий Тимофеевич во 2-й половине 1580-х гг.). Перебежав от Василия Шуйского к Лжедмитрию II (июнь 1608 г.), он сразу получил от «царика» боярский чин: тушинцам пришлось по вкусу, что в их лагере оказался столь знатный человек. Таким образом, в служебной иерархии более молодой Трубецкой превзошел более заслуженного Пожарского.

Огромной была роль князя Д. Т. Трубецкого в земском движении. В 1611 г. он вместе с Иваном Заруцким составлял полки Первого ополчения, пришел с ними под Москву, участвовал в битвах с интервентами. Военские заслуги его перед Россией очевидны.

У Первого ополчения было несколько вождей (Прокофий Ляпунов, Иван Заруцкий, князь Дмитрий Трубецкой и Андрей Просовецкий), поэтому порой трудно определить, кто из них был инициатором того или иного действия земцев. Формально Дмитрий Тимофеевич признавался старшим из них: его имя писали на грамотах ополчения первым. Да и обращаясь к руководству ополчения, в грамотах из городов его тоже называли на первом месте⁴. В то же время источники гораздо чаще упоминают о самостоятельной роли иных руководителей — Заруцкого и особенно Ляпунова. Дмитрий Тимофеевич как будто оказывается в тени.

² Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 284, 392.

³ Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 121.

⁴ Акты Археографической экспедиции. Т. II. СПб., 1836. № 191, 192.

Однако известно, что именно он собирал войска Калужской земли. Весной 1611 г. самой крупной фигурой в стане русских сил, концентрировавшихся вокруг Калуги, был его двоюродный брат — князь Юрий Никитич Трубецкой (с ним вели переговоры внешние силы)⁵. Дмитрий Михайлович появляется рядом с ним как значимая личность в марте–апреле 1611 г.⁶ Юрий Никитич, известный своими пропольскими симпатиями, колебался, но к земскому делу в итоге не примкнул. И тогда его родич оказался во главе войска калужан. Летом 1611 г. князь Д. Т. Трубецкой, именно как старший человек калужского воинства, оказался и первым из воевод всего ополчения в целом. Иностранцы видели в нем действительного вождя земцев. Шведы, в частности, считали его «осторожным и бдительным командиром», не допустившим распада ополчения после гибели Ляпунова.

Русские считали, что меж двух истинных лидеров ополчения — Ляпунова и Заруцкого — Трубецкой «никакой чести не имел»⁷. Но, во всяком случае, Дмитрий Тимофеевич никогда не был просто «живым знаменем», не был игрушкой в руках прочих вождей ополчения. Случалось, он расходился во мнениях с иными воеводами. Так, летом 1612 г. он не поддержал Заруцкого, желавшего возвести на престол малолетнего сына Марины Мнишек от Лжедмитрия I. Заруцкий злоумышлял против Пожарского, даже пытался его убить, а Трубецкой — никогда. Заруцкий ушел из-под Москвы, слышав о приближении земцев Минина и Пожарского, а Трубецкой остался. Ясно видно: этот человек имел самостоятельное значение. И, без сомнений, он самостоятельно принимал политические решения.

Историк В. Н. Козляков высказался на этот счет веско и точно: «Несмотря на то, что князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой... получил свое боярство от Лжедмитрия II, этот воевода ополчения стал восприниматься как глава его “дворянской” части. К ноябрю 1611 г. в полках ополчения

⁵ Там же. № 182.

⁶ Письмо князей Юрия и Дмитрия Трубецких к Яну Петру Сапеге // Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб., 1871. Приложения. № 41. Письмо представляет собой ответ на послание Сапеге.

⁷ Геркман Э. Историческое повествование о важнейших смутах в государстве Русском // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 255–256; Видекинд Ю. История шведско-московитской войны XVII века. М., 2000. С. 197; Новый летописец // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 112.

оказались представители московских дворянских родов: Змеевых, Измайловых, Исленьевых, Колтовских, Коробьиных, Одадуриных, Охотинных-Плещеевых, князей Приимковых-Ростовских, Пушкиных, Самариных»⁸. Знатные дворяне легко подчинялись аристократу Трубецкому — в том не было никакой «поруки» для их родовой чести. А вот не столь знатный Ляпунов и, тем более, безродный Заруцкий не очень-то годились на роль их начальника. Без Трубецкого дворянская часть ополчения могла просто разойтись по домам.

После ухода Заруцкого Дмитрий Тимофеевич единолично руководил Первым земским ополчением. Князь лично участвовал в отражении Ходкевича. В октябре 1612 г. именно его подчиненные взяли штурмом Китай-город. Когда к Москве подошли отряды короля Сигизмунда, Трубецкой вместе с Пожарским отбросил их⁹. Наконец, именно он формально являлся старшим из земских управителей России вплоть до Земского собора 1613 г.

Таким образом, на протяжении нескольких месяцев (на исходе 1612 г. и в самом начале 1613 г.) Дмитрий Тимофеевич Трубецкой фактически обладал высшей властью.

И все же не он был избран на царство.

Причина, видимо, заключалась в том, что Дмитрий Тимофеевич оказался в странном положении: *он никому не был до конца своим, хотя и до конца чужим его тоже никто не мыслил.*

Свой — для казаков? Не вполне. Ведь князь возвысился прежде всего как глава дворянской части Первого ополчения. Дворянской, а не казачьей. В общественном смысле князь был гораздо ближе дворянам, чем казакам.

Свой — для дворян? Но их он не сумел защитить от казачьего буйства и, наверное, в их глазах выглядел как предатель своего круга, заигрывающий с социально-чуждой стихией. Дворяне разбежались из его ополчения, страшась обид, то и дело наносимых казачеством. Обстоятельства битвы с Ходкевичем за Москву прямо и однозначно свидетельствуют: казачьи отряды Трубецким контролировались очень слабо.

Свой — для аристократии? Да, верно. Однако молодой вельможа в аристократической

среде был всего лишь одним из «игроков» — не самым знатным, не самым опытным по части интриг, не самым авторитетным из царедворцев. У каждого аристократического клана имелся свой интерес и свои козыри. Трубецкой играл в свою пользу и достаточного для победы числа союзников не нашел. Отчасти предводителя земцев подвело одно неприятное обстоятельство. Шуйские, Мстиславские, Романовы, Черкасские, Глинские, Сабуровы и некоторые другие знатнейшие рода государства соединены были с династией московских Рюриковичей-Калитичей брачными узами. А Трубецкие — нет. Ни одного брака, прямо связывающего Трубецких с Московским монаршим домом, заключено не было.

Итак, поражение Трубецкого как претендента на русский престол объяснить не столь уж трудно. Гораздо сложнее и интереснее получить ответ на другой вопрос: почему в сознании русских людей Минин и Пожарский — великие люди, истинные герои, а Трубецкой — нет? И такое отношение к личности князя сложилось не в XIX или XX в., и не усилиями историков: оно сформировалось еще в XVII в.

У Трубецкого хватало доброжелателей. Так, блистательный русский интеллектуал и яростный честолюбец князь Семен Шаховской именно Дмитрию Тимофеевичу приписывал успех в борьбе с Ходкевичем¹⁰. Авраамий Палицын высказывался о нем благожелательно. Современный государственный праздник — День народного единства, отмечаемый 4 ноября, связан еще и с большим церковным праздником, днем Казанской иконы Божией матери. Победы ополчения соединялись в сознании земцев с покровительством Казанской. А образ ее пришел именно к *Первому* ополчению: «Принесен был образ Богородицы Казанской под Москву к князю Дмитрию Тимофеевичу Трубецкому да к Ивану Заруцкому»¹¹.

Но намного чаще литературные памятники XVII в. содержат укоризны в адрес князя Д. Т. Трубецкого. Прохладное отношение многих современников к Дмитрию Тимофеевичу установилась еще при первом государе из династии Романовых. Объяснить его можно двумя причинами.

⁸ Козляков В. Н. Земские ополчения и избрание царя Михаила Федоровича // День народного единства: Биография праздника. М., 2009. С. 30.

⁹ Повесть о победах московского государства. М., 1982. С. 73.

¹⁰ Шаховской С. И. Летописная книга // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 417.

¹¹ Новый летописец // Хроники Смутного времени. С. 132.

Первая связана с деяниями князя Трубецкого, совершенными после того, как волею Земского собора Михаил Федорович был венчан на царство. Трубецкой искал для себя великого дела, желал продлить славу свою среди русских военачальников. Осенью 1613 г. ему вручили командование большой армией, отправленной бороться со шведами за Новгород. Дмитрий Тимофеевич вернулся из похода в 1614 г., потерпев тяжелое поражение. Неудача его была крайне болезненной для Московского государства. Страна располагала очень ограниченными военными силами, а принуждена была бороться со многими сильными врагами одновременно. Отступление Трубецкого надолго обессилило Россию в противостоянии со шведами. Кроме того, после блистательных побед земского ополчения над поляками большая военная неудача оказала на умы разочаровывающее воздействие. Летописец отзывается о новгородской кампании с крайним огорчением: «Было же... в рати нестроение великое и грабили казаки и всякие люди... Весной же пришли под Новгород и встали на Бронницах. Место тут неудобное было и тесное. Острожек же поставили за рекою Мстою. Пришли же из Новгорода Яков Пунтусов с немецкими людьми, и их осадили и утеснение им сделали великое, многих людей убили из наряда. Такое же сделали утеснение, что из ямы в яму не перейти, и голод был сильный. И от такого великого утеснения не могли стоять, пошли отходить. И при отходе многих русских людей убили, едва сами воеводы отошли пешими. Острожек же, который был за Мстою рекою, взяли, дав крестное целование [что никого не убьют], и всех перебили. Пришел же Яков в Новгород и еще большее утеснение стал русским людям делать»¹².

Дмитрий Тимофеевич получил не столь уж много сил — даже шведы удивлялись, сколь малая армия идет против них¹³. Ему отправляли незначительные подкрепления, но в то же время полки князя разбежались. Дмитрий Тимофеевич столкнулся с чудовищным неповиновением казаков. Он едва держал армию под контролем из-за вражды между казаками и дворянами. Не столь уж и виноват воевода в неуспехе Новгородской кампании, чудо еще, что так долго продержался он, угрожая шведскому оккупационному корпусу...

¹² Новый летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910. С. 132.

¹³ Видекин Ю. История шведско-московитской войны... С. 309.

Трубецкому нельзя отказать в уме или храбрости. Осенью 1618 г. под Москву пришел король Владислав с армией. Часть русских казаков, оказавшихся в осаде, побежала из города, не желая защищать его от поляков. «И, взбунтовавшись ночью, — рассказывает летопись, — проломил за Яузой острог и побежали из Москвы тысячи три казаков. Государь за ними послал уговаривать бояр своих князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого да князя Даниила Ивановича Мезецкого. Они же их догнали в пяти поприщах от Москвы и едва их поворотили»¹⁴. Чтобы остановить взбунтовавшуюся толпу казаков, требовались и мужество, и красноречие. Трубецкой хорошо знал мятежную казачью массу по прежним временам. Князь понимал, на сколь опасное дело его отправили, и все-таки не убоился, честно выполнил возложенную на него миссию. Но этот его подвиг не заслонил большой и горькой неудачи новгородского похода. Назначений на крупные воеводские должности Трубецкой больше не удаивался. Вероятно, поражение сделало его имя исключительно непопулярным.

В царствование Михаила Федоровича ему дарованы были почет и богатство. Но добрая память о прежних его подвигах не добавляла тепла в отношениях двора и государя к Дмитрию Тимофеевичу. При венчании нового монарха на царство случилась история, показавшая истинное отношение новой власти к Трубецкому. Князя оберегали от обид, ему выказывали уважение и, в то же время, вежливо указывали Дмитрию Тимофеевичу его место — то, выше которого он подняться уже не мог. Один из бояр. Влиятельное лицо, но отнюдь не первенствующее в правительстве. На Руси старомосковской большое внимание уделяли придворному ритуалу. Каждый внимательно следил, чтобы его роль соответствовала чести его рода. А какое торжество может быть важнее, чем церемония коронации? И вот объявлен чин этой церемонии...

«В Золотой полате государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии велел сказать посольскому дьяку Петру Третьякову: бояром князю Федору Ивановичю Мстисловскому велел себя государя золотыми осыпать. А дяде своему родному боярину Ивану Никитичю Романову велел сказать, што ему держать шапку Маномахову. А боярину князю Дмитрею Тимофеевичю

¹⁴ Новый летописец // Полное собрание русских летописей. С. 147.

Трубецкому велел сказать держати ему скифетр. И боярин князь Дмитрий Трубецкой бил челом на боярина на Ивана Никитича Романова о местех, што ему менши Ивана быти невместно. И государь сказал боярину князю Дмитрею Трубецкому: ведомо твое отчество перед Иваном, мочно ему тебя менши быть; а ныне тебе быти для того, что мне Иван Никитич по родству дядя, а быть вам без мест... И как пришли с саном в Золотую полату, и государь велел им же несть из Золотой полаты в церковь ко Пречистой Богородицы; а боярину Василью Петровичю велел перед своим государевым саном итти ко Пречистой Богородицы. И боярин Василей Морозов бил челом государю о местех на боярина на князь Дмитрея Трубецкова, что ему перед саном быть, а боярину князю Дмитрею держать скифетр, и мне по вашей царьской милости князя Дмитрея Трубецкова быть менши нельзя. И государь Василью сказал: мочно тебе со князь Дмитреем быти всегда и велел ему итти перед саном»¹⁵. Морозова одернули. Но и Трубецкому показали: царь на Руси один, и его родня имеет право на определенные привилегии.

В 1619 г. из польского плена возвращался патриарх Филарет Никитич, отец государя. Встреча его на пути в Москву превратилась в еще одну пышную церемонию. Аристократия начала борьбу за почетное место в ней. Трубецкому досталась весьма высокая, по понятиям того времени роль: он возглавил третью заставу, встречавшую патриарха у села Хорошево. Третья застава (или, иначе, третья «встреча») считалась почетнее первой и второй. Неугомонный боярин Морозов и здесь ударил челом государю: как же так! Трубецкого — в третью «встречу», а его, Морозова, — всего-навсего во вторую! «И ему — возмущался Морозов — меньше боярина князь Дмитрея Тимофеевича быть не мочно!» Взбешенный Трубецкой «...бил челом государю, что он, Василей, тем его безчестит и Государь бы его пожаловал, велел дать на Василья Морозова оборонь. И государь боярину Василью Морозову отказал: бьешь челом не делом, нынешняя встреча указана вам всем быть без мест, а с боярином с князь Дмитреем Трубецким мочно тебе в меньших быть всегда, не сошлось тебе николи с Трубецкими, знай свою меру на кого бити челом». Но Трубецкой этим не ограничился. Он «многажды бил челом» на Морозова «в бесчестьи». И в январе 1620 г. Морозова наказали — по-

садили в тюрьму¹⁶. Более того, Дмитрию Тимофеевичу оказали дополнительную почесть. Когда Филарет Никитич совершал путешествие вокруг Кремля на осле, первенствующим среди тех аристократов, которым позволено было водить осла под уздцы, оказался Трубецкой. Дмитрию Тимофеевичу (единственному из всей свиты) патриарх позволил сопровождать его на лошади, а не пешком¹⁷.

Трубецкого не унижали. Трубецкому пожаловали колоссальные земельные владения — целую область. Трубецкого иногда звали к праздничному столу государеву. Трубецкому давали кое-какие административные поручения. Иными словами, по внешней видимости князь благоденствовал. Вот только никаких важных постов ему не доверяли, и Филарет Никитич *к своему столу* на праздники его не звал.

Надо полагать, князь смирился с таким положением только внешне.

Осенью 1624 г. царь Михаил Федорович женился на княжне Марии Долгоруковой. Свадебные торжества вызвали грандиозный местнический скандал. Некоторые служилые аристократы не пожелали занять места за праздничным столом: по их мнению, предложенные места оказались ниже их родовой чести! Один из участников свары, боярин князь Иван Голицын, лишился земельных владений и отправился с женой в Пермь, ссылкой, под охраной. Другому, а именно Дмитрию Тимофеевичу, своевольство сошло с рук: он не столь страшно упорствовал, как Голицын. До ноября 1624 г. его продолжали приглашать за государев стол по праздникам, его не наказывали¹⁸. А в январе 1625 г. царица Мария скончалась, и вслед за тем разразилась катастрофа. И трех недель не прошло, как Трубецкого и группу других знатных людей сослали на воеводство в отдаленные сибирские города. Дмитрий Тимофеевич отправился наместником в Тобольск¹⁹. Для московского вельможи это означало удаление от двора, ссылку. Карьера его рухнула в одночасье.

Переживания, связанные с опалой, и многомесячное путешествие в самое сердце Сибири подкосили князя. Он прибыл к новому месту службы в мае 1625 г., а месяц спустя (24 июня) скончал-

¹⁵ Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 65–66.

¹⁶ Дворцовые Разряды. 1612–1628. Том 1. СПб. 1850. С. 395–397.

¹⁷ Там же. С. 407.

¹⁸ Там же. 1612–1628. С. 640–643, 653, 1219.

¹⁹ Там же. С. 659.

ся. Осталось несколько грамот от его недолгой деятельности на тобольском воеводстве²⁰. По ним видно: Дмитрий Михайлович даже не успел принять дела.

Как знать, что скверного сказал он про покойную государыню? Не всплыло ли вновь участие Дмитрия Тимофеевича в местническом скандале на царской свадьбе? Не затеял ли он известить молодую царицу? Царю Михаилу Федоровичу не везло с женами, придворное окружение норовило сжить их со свету, и бедные женщины становились жертвами интриг. У Трубецкого мотив имелся: если царь останется без наследника, а потом и его самого приберет Господь, то Россия, быть может, вспомнит, что когда-то претендентом в монархи был он, человек с большими заслугами перед отечеством. Скорее всего, падение князя Дмитрия Тимофеевича свершилось в связи с несчастливой женитьбой царя на княжне Марии Долгоруковой.

Такое отношение государя, патриарха и правительственного круга к Дмитрию Тимофеевичу не способствовало высоким оценкам его в литературных памятниках той эпохи. Но существует и другая причина прохладного отношения современников к Д. Т. Трубецкому. Ее нетрудно увидеть,

если сравнить этого вельможу с Д. М. Пожарским. Князь Пожарский был прям, прост, прозрачен. Тверд в присяге и немятежен. Если кому служил, то служил верно. Если куда направлялся, то шел прямой дорогой. Другое дело — Дмитрий Тимофеевич. У него всякий путь извилист. От царя Василия Шуйского сбежал к Лжедмитрию II. Одно время шел под присягу Лжедмитрию III — «псковскому вору», желая, видимо, сделать из того политическую марионетку, да изменил намерение. Дрался вместе с Пожарским против Ходкевича, но в решающие моменты боя не торопился помогать союзнику. Хотел воцариться на Москве и с бесхитростным лукавством затеял покупать казаков пирами. Смирился перед государем Михаилом Федоровичем, но впоследствии оказался замешан в каком-то темном деле, связанном с царской свадьбой...

Что в итоге?

Человек отважный, неглупый, энергичный, потомок великого рода, князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой то и дело подчинялся своим амбициям. Желал возвыситься и для того использовал любые методы, включая бесчестные. Никому до конца предан не был. Великих трудов не боялся, но к соратникам своим братских чувств не испытывал. Смута крепко искалечила ему душу. Само время научило его уступать большим соблазнам. Таким вошел князь Д. Т. Трубецкой в русскую историю и остался там: за полшага до царского венца, за четверть шага до статуса великой личности.

²⁰ Тобольский архиерейский дом в XVII веке // История Сибири. Первоисточники. Вып. IV. Новосибирск, 1994. С. 74. № 36, 37, 87, 90, 98; Первое столетие сибирских городов. XVII век // История Сибири. Первоисточники. Вып. VII. Новосибирск, 1996. № 12.

Список литературы:

1. Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907.
2. Видекинд Ю. История шведско-московитской войны XVII века. М., 2000.
3. Повесть о победах московского государства. М., 1982.
4. Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004.
5. Станиславский А. Л., Морозов Б. Н. Повесть о земском соборе 1613 г. // Вопросы истории. 1985. № 5.
6. Хроники Смутного времени. М., 1998.
7. Шаховской С. И. Летописная книга // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987.

References (transliteration):

1. Belokurov S. A. Razryadnye zapisi za Smutnoe vremya (7113–7121 gg.). M., 1907.
2. Khroniki Smutnogo vremeni. M., 1998.
3. Povest' o pobedakh moskovskogo gosudarstva. M., 1982.
4. Shakhovskoy A. L. Letopisnaya kniga // Pamyatniki literatury Drevney Rusi. Konets XVI – nachalo XVII vekov. M., 1987.
5. Stanislavskiy A. L. Trudy po istorii gosudareva dvora v Rossii XVI–XVII vekov. M., 2004.
6. Stanislavskiy A. L., Morozov B. N. Povtst' o zemskom sobore 1613 g. // Voprosy istorii. 1985. № 5.
7. Videkind Yu. Istoriya shvedsko-moskovitskoy voyny XVII veka. M., 2000.